

Он поздно пришел в литературу, но сделал немало: его романы, рассказы и повести часто переиздаются, а пьесы ставят театры. В середине 90-х Вячеслав ПЬЕЦУХ был главным редактором толстого литературного журнала «Дружба народов». В последние годы писатель ведет затворнический образ жизни, живя по полгода в деревне

Тверская, 13. - 2006. - 26 янв. - С.8

- Вячеслав Алексеевич, что означает ваша фамилия?

- Фамилия моя очень распространена в Восточной Польше и происходит от корня «печь» - печь. А пьецух - это человек, который, вместо того чтобы работать, любит полежать на печи. Отец мой родился в Киеве и писался по паспорту украинцем. По его словам, в селе Новая Утица под Ивано-Франковском чуть ли не триста дворов Пьецухов. Мой прадед Тарас Пьецух работал на винокурном заводе и умер трагикомически - утонул в чане с водкой. А по матери я русак с примесью кавказских кровей.

- В энциклопедии говорится, что вы родились в Москве в селе Черкизово за Преображенской заставой...

- Такая формулировка вполне правомерна. В довоенные годы за заставами уже кончался город и начиналась губерния. Левее от Преображенской площади располагалось село Черки-

зово. Там когда-то моя прабабка, даром, что была крестьянкой Лопаснинского уезда Московской губернии, построила 2-этажный доходный дом в четыре квартиры. Я еще застал одноэтажные дома дачного вида. А рядом было село Богородское.

- Вы много лет отдали школе. Учительство - это призвание?

- Я сознательно пошел на истфак Московского пединститута. Когда болели учителя в младших классах, меня, старшеклассника, просили их подменять. И это было тем более странно, что я учился из рук вон плохо. По точным и естественным дисциплинам я еле-еле тянул на тройки. Удивительно, как я вообще сдал выпускные экзамены на аттестат зрелости. А вот уже в институте я учился хорошо.

- Так бывает?

- Бывает. Я тогда попал в группу, где готовили учителей для спецшкол, в которых ряд предметов велся на иностранных языках. Чудная

была страна! Сейчас в элите ходят бандиты, а тогда это были партийные, профсоюзные и комсомольские чиновники. Для их детей и существовали специальные школы. Я проработал год в одной такой школе, а потом ушел в обыкновенную и там уже работал довольно долго. А когда у меня что-то уже начало получаться по «литературному департаменту», перешел в вечернюю, что дало роскошную возможность работать в литературе безостановочно, как в «домном производстве».

- Вы как-то сравнили искусство с болезнью роста, которую человечество, взрослея, переживает. Вы предполагаете, наступят времена, когда вообще не будет искусства?

- Человечество в процес-

с развития наработало огромную художественную культуру и вдруг в начале двадцатого столетия оказалось, что она избыточна. Культура больше не нужна? Или человечество не может существовать вне художественной культуры, как оно не может существовать вне нравственности? Были в истории периоды, когда художественной культуры, в нынешнем ее понимании, не существовало вовсе. Например, временной отрезок от крушения Римской империи до эпохи Возрождения. Может быть, так произойдет и сейчас. А спустя несколько столетий публика опомнится, и опять всем будут интересны Данте, Лев Толстой...

- Куда же бедному литератору податься?

- По-человечески все это противно и тяжело. Из поколения в поколение в России складывалось отношение к писателям, как к избранникам. Даже неважно было, известен ты или нет. А кто был богаче писателя всего 20 лет тому назад? Только рубчик мяса с одесского привоза. За одну книжку я получал столько денег, что мог купить два легковых автомобиля, дачу и преспокойно жить года три.

- Не все так радужно было. «Макулатуры» много выпускали...

- Однако тогда суще-

ствовала четкая, хотя и не-

гласная, иерархия ценностей. Были литераторы, которые обслуживали власть или низменные потребности простонародья. Но всем было понятно, кто есть кто. И ориентирами для нации были большие писатели, великие актеры, мыслители. А сейчас в роли таковых выступают те, кто пляшет и поет, - массовики-затейники.

- Вы однажды сравнили литературу с наукой. В науке время одиночных открытий давно прошло. Над созданием атомной бомбы работали тысячи ученых, объединенных

вместе. Может быть, и ли-

тературу ожидает такой путь?

- Изобретать скопом - это не столько наука, сколько техника. Сам феномен расщепления атома открыли одиночки - Кюри и Резерфорд. А уже создание бомбы сравнимо скорее с научно-техническим бандитизмом. Все, что ни делается в мире поганого, все - скопом. Также и с литературой. Никакого коллективного прогресса на этом поприще быть не может. Литературу создавали и будут создавать исключительно одиночки. Только в последнее время что-то и одиночек особенно не слышать.

- Вы считаете современных молодых сочинителей слабыми?

- Я не скажу, что, положим, Пелевин, Сорокин - плохие писатели. Но мне они не интересны. Я могу прочесть из них абзац или несколько страниц, и только. Думаю, дело не в тексте, а во мне. Они говорят о чуждых мне вещах, о выпренной и насквозь выдуманной проблематике и, самое главное, тем языком, который мне претит. Все-таки культура языка - это то, на чем до самого последнего времени держалась наша литература. В этом смысле русские писатели владели одним из самых сложных инструментов в мире. Я изучал не-

сколько иностранных языков. И когда мне на ум приходит вставить в текст какое-нибудь редкое русское слово, я жутко радуюсь, понимая, что аналогов этому слову в других языках нет.

- В середине 90-х вы возглавляли журнал «Дружба народов». А сейчас толстые журналы нужны?

- Литературные журналы суть чисто русский феномен и в этой стране конечно же нужны. Они представляют только-только вышедшую из-под пера, еще «горячую» литературу. Их сегодняшние ничтожные тиражи объясняются не только тем, что на роду некогда заниматься «этой ерундой», а и материальными трудностями нашего человека. Отдать 50 - 60 рублей за номер - тяжело. Особенно в провинции, где часть населения не работа-

ет, а часть зарабатывает столько, сколько средний русский пьяница пропивает в течение одного дня. Но, думаю, журналы как-нибудь выкарабкаются. Тираж пушкинского «Современника» снижался из года в год и незадолго до смерти Пушкина составлял пятьсот экземпляров. А самый массовый журнал того времени «Библиотека для чтения» мог похвалиться тиражом только в 6 тысяч.

- Что вы имели в виду, когда однажды сказали, что «большевизм в крови у русского народа»?

- Тот способ общественного бытия, который ввели большевики, больше других соответствовал складу русской ментальности. Поэтому я считаю, что семьдесят лет большевистской деспотии были самой счастливой порой в истории русского народа. Можно было работать спустя рукава и получать деньги, которые позволяли выпить, закутить и кое-как одеться. Ни о чем не надо думать. Абсолютная уверенность в завтрашнем дне. Я не говорю о тех несчастных, которые пострадали от сталинских репрессий. Но основная часть народа ничего не боялась. Человек знал, если завтра его выгонят за пьянство и прогулы с фабрики «Красный мак», он тут же устроится на соседнюю фабрику «Красная гвозди-

ка», и все останется по-прежнему. К сожалению, одна из самых кровных черт характера русского человека - бессмысленная, ничем не оправданная зависть к чужому благополучию. И уже неважно, как это благополучие приобретено: трудами или воровством. Зависть эта требует еще и какого-то физического выхода. Отсюда и наши бессмысленные крестьянские войны, и революция 1905 года, и большевистский переворот 1917 года. Тогда, наверное, ни одной усадьбы не осталось не сожженной. Спрашивается: зачем? Там же можно было устроить общежитие, школу или коммуны. Нет, все по-жгли. Суть большевизма состоит не в том, чтобы не было бедных и богатых, а чтобы не было богатых.

- Как вы считаете, не возможен ли на этой почве возврат к старому?

- Большевизм больше не возродится. Уже народилось и повзрослело поколение, которому претит сумма качеств, характерная для русского обывателя еще 30 лет тому назад. Но человек моего возраста, увы, ощущает себя иностранцем в своей стране.

- Что вы думаете о появившихся в последние годы на рынке книгах, обучающих, как надо писать прозу и сценарии, чтобы на этом разбогатеть?

- Это не вредное чтение. Если ВГИКу сценарист отдает пять лет жизни, то, что плохого в книжке, которая научит человека тому же самому за трое суток. Однако думаю, что такая литература не продуктивна и вряд ли поможет делать деньги, для чего нужно тоже иметь определенную способность. И уж во всяком случае это не научит сочинять. Потому что писательский дар представляет собой редчайшее заблуждение, которым сладко страдает такой ничтожный круг лиц во всем мире, что этому можно только удивляться и восхищаться, но подражать нельзя.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ Фото автора

ИЗБРАННИК